

А 168
134

КЪ СТОЛѢТІЮ

ЦЕРКВИ

МОРСКОГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

ИЗЪ ГОТОВЯЩЕЙСЯ КЪ ПЕЧАТИ

„ИСТОРИИ ЦЕРКВИ МОРСКОГО КОРПУСА“.

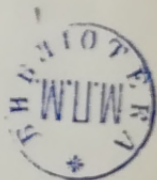
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія К. Биркенфельда (В. О., 8-я линія, д. № 1).

1897.

КЪ СТОЛѢТІЮ
ЦЕРКВИ
МОРСКОГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

ИЗЪ ГОТОВЯЩЕЙСЯ КЪ ПЕЧАТИ
„ИСТОРИИ ЦЕРКВИ МОРСКОГО КОРПУСА“.

4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія К. Виркенфельда (В. О., 8-я линія, д. № 1).
1897.

КЪ СТОЛѢТІЮ

ЦЕРКВИ МОРСКОГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

(Изъ готовящейся къ печати «Исторіи церкви Морского Корпуса»).

15-го Марта сего года исполняется сто лѣтъ со дня освященія церкви Морского Кадетскаго Корпуса. Но это не значить, чтобы до того времени совсѣмъ не было церкви въ Морскомъ Корпусѣ. Напротивъ, со времени его основанія, въ немъ существовало еще двѣ церкви, а эта — только третья и, благодаря Бога, самая долготѣнная церковь. Взглянемъ сначала на исторію первыхъ двухъ церквей Корпуса.

Согласно утвержденному 1752 года, Декабря 15-го, Августѣйшей Дочерью Основателя русскаго флота, Императрицей Елисаветой Петровной, штату Морского Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, въ немъ положено имѣть церковь и при ней священника. Однако священникъ въ 1757 году былъ назначенъ, и за нимъ — другой, а церкви при Корпусѣ все еще не было. Наконецъ, указами Адмиралтействъ-Коллегіи отъ 18-го Января и 13-го Февраля 1761 года предписано было: «въ Корпусѣ (въ томъ же, бывшемъ «Миниховомъ», домѣ, который занимаетъ нынѣ Корпусъ), поставить церковь». Церковь предписано было поставить въ «нижняго аппартаменты палатахъ» и для того «проломать съ улицы, въ боку средней палаты, гдѣ церковь, въ

покоѣ, который къ самымъ воротамъ, для церковныхъ сѣней, двери». Но такъ какъ этихъ послѣднихъ работъ, по зимнему времени, нельзя было исполнить, то и рѣшено было, оставивъ ихъ до весны, ограничиться на сей разъ одними деревянными работами. Иконостасъ же и утварь, съ разрѣшенія Консистоці, опредѣлено было перенести сюда изъ упраздненной къ этому времени старой церкви Морского Полкового Двора, къ которой до сихъ поръ приписанъ былъ Морской Корпусъ. Работа закончилась, и 4-го Марта церковь была уже готова и того же дня священникомъ «Каменной Николаевской (нынѣ Морского Собора) церкви» освящена во имя Святителя Николая, Мурлинскаго Чудотворца. Но что это была за церковь, объ этомъ, кромѣ ея расположенія въ нижнемъ, съ низкими же потолками, этажѣ, и кромѣ вышеуказанныхъ, оставленныхъ «до вѣшняго времени», недоулокъ, можно судить по «реестру принятаго отъ церкви, что на Морскомъ Полковомъ Дворѣ, въ Морской Шляхетный Гадетскій Корпусъ». Тутъ, что ни вещь, то оговорка — «немного поломано», «немного полиняло», «на камкѣ ветхой», «камка прорвана», «лефкаль слушится» и т. п. Или:» подвѣшникъ деревянный, крашеный, ветхій», «кадило мѣдное, держаное», «фонарь жестиной, ветхій», — другой — «съ трехъ сторонъ стекла разбиты» и проч. Таковы же отчасти, если не по виду, то по своей стоимости, были и предметы, доставленные Адмиралтействомъ и вновь самимъ Корпусомъ приобретенные. Это, напримѣръ, сосуды, вѣсомъ въ 76 и 40 золотниковъ, тарелки оловянные, чаша мѣдная, луженая, для освященія воды, ковшей мѣдныхъ — два, копыцовъ стальныхъ два, цѣною въ 40 коп., муравленая чашка въ 5 коп., чайныхъ чашекъ муравленыхъ двѣ, цѣною въ 5 коп. обѣ, и пр. Не таковы только, т. е. не по столь печальному вѣшнему виду и достоинству церкви, были первые священнослужители церкви. Правда, на первый разъ, и священнослуженіе въ новоустроенной церкви, по представленію Коллегіи, дозволено было отправлять дважды уже

бывшему «на черномъ монастырскомъ послушаніи» — прежнему Корпусному священнику; но, вмѣстѣ съ устроеніемъ церкви, сама же Коллегія начала хлопотать о прискананіи на его мѣсто другого, достойнѣшаго. Таковымъ оказался бывший Стокгольмскій священникъ Тимофей Яковлевъ. По образованію, онъ былъ студентъ Новгородской семинаріи, а по нравственнымъ качествамъ, по отзыву чрезвычайнаго Посланника нашего въ Швеціи, «тихий, честный и всѣми, паче же иноувѣрцами, любимый и почитаемый человекъ». И вотъ, въ Декабрѣ того же 1761 года, прежній священникъ увольняется, а на его мѣсто, сначала на 60, а потомъ на 100 руб. годоваго содержанія, при готовой квартирѣ, назначается Яковлевъ. Но и такихъ людей для вступившаго вскорѣ въ управленіе Корпусомъ новаго начальства оказалось мало: и они уже не удовлетворяли развивающимся требованіямъ Корпуса. Тогда, по инициативѣ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ и руководствомъ директора Корпуса, Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова, составлены были, въ 1764 году, новые штаты, по которымъ, вмѣсто «бѣлаго священника», положено было имѣть при Корпусѣ «ученаго іеромонаха, какъ для священнослуженія, такъ и для проповѣди слова Божія и обученія кадетъ Католическаго», съ жалованьемъ ему по 250 руб. и казенной квартирой. Но такъ какъ подобнаго іеромонаха въ то время трудно было найти въ Петербургѣ, гдѣ не было еще Академіи, а Семинарія едва удовлетворяла ближайшимъ, неотступнымъ потребностямъ епархіи, то и пришлось нѣсколько еще лѣтъ довольствоваться прежнимъ священникомъ, пока, наконецъ, въ 1769 году, не нашлся на его мѣсто «извѣстный начальству, какъ способный къ сей должности», Кіево-Печерскій іеромонахъ Аггей Колоссовскій. Такъ положено было начало продолжавшемуся почти до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія — *монашескому настоятельству* въ церкви Морского Корпуса, — настоятельству, на первыхъ порахъ оправдавшему себя какъ

въ Богослуженіи, такъ и въ «обученіи», въ которыхъ «за частыми болѣзнями» Яковлева, нерѣдко «бывала остановка», но вскорѣ обнаружившему и свои недостатки, съ которыми, однако, пришлось считаться уже не этой, первой по времени, а второй и третьей Корпуснымъ церквямъ. Ибо эта, первая церковь, на второмъ году службы Колоссовскаго, вмѣстѣ со всѣмъ Корпусомъ, сгорѣла, Корпусъ перемѣщенъ былъ въ Кронштадтъ, а іеромонахъ Колоссовскій перешелъ въ Костромской Богоявленскій монастырь въ архимандриты.

Вторая церковь, въ 1771 году, устроена была въ Кронштадтѣ, възданіи такъ называвшагося тогда Итальянскаго Дворца, нынѣ Морского Императора Николая I Техническаго Училища. Февраля 15-го, 1772 года, она была освящена въ память того же Святителя, что и бывшая Петербургская церковь. Ее же отчасти она напоминала и по внѣшнему своему виду и внутреннему устройству. По крайней мѣрѣ, при переходѣ ея въ составъ бывшаго Штурманскаго Училища, она оказывается помѣщенною въ сѣверо-западномъ, весьма тѣсномъ и неудобномъ углу зданія, тамъ, гдѣ теперь бібліотека и физическій кабинетъ Училища. Для стороннихъ прихожанъ въ ней, какъ и въ Петербургской церкви, совсѣмъ не было мѣста. Алтарь находился сбоку, такъ что большая часть молящихся не видѣла Богослуженія. Церковная утварь такъ же, какъ и въ первой, Петербургской церкви, составлена была изъ старыхъ, самыхъ разнообразныхъ и столь ничтожныхъ по достоинству вещей, что, при послѣдующемъ перемѣщеніи Корпуса въ Петербургъ, изъ нея не пришлось взять почти ничего для новой Корпусной церкви. Въ иномъ, какъ будто, видѣ представляется священнослужительскій и законоучительскій персоналъ этой церкви. Въ самомъ дѣлѣ, со времени вышеупомянутаго Аггея Колоссовскаго, теперь правильною чередою смѣняются въ ней, одинъ за другимъ, такіе достойные лица, какъ іеромонахи: Іоаннъ, освятившій новоустроенную церковь; Нектарій, упорядочившій требоисправле-

ніе въ церкви; Троицкой Лавры проповѣдникъ Евгеній, рекомендованный самимъ Платономъ, Митрополитомъ Московскимъ; Пахомій, при которомъ перестроена, «алтаремъ на востокъ», первоначальная церковь; Стефанъ, получившій отъ епархіальнаго начальства «право смотрѣнія надъ всѣми Кронштадтскими священно-церковно-служителями» и очень много потрудившійся надъ внутреннимъ благоустройемъ церкви; Веніаминъ, изъ очень образованныхъ учителей Александроневской Духовной Семинаріи; Лаврентій, чрезъ годъ переведенный, въ званіи архимандрита, въ Казанскій Успенскій монастырь; наконецъ, архимандритъ Ксенофонтъ, въ этомъ званіи, въ 1796 г., вступившій въ Корпусъ а въ слѣдующемъ, 1797 году, уже и вышедшій изъ Корпуса. Впрочемъ, и всѣ почти предыдущіе іеромонахи, если не умирали, какъ Іоаннъ, на мѣстѣ, то чрезъ годъ—два, а много черезъ 5—6 лѣтъ, переходили обыкновенно изъ Корпуса въ тотъ или другой монастырь въ игумены или архимандриты. Это, повторяемъ, говорить за ихъ несомнѣнныя правственные и административныя достоинства, но въ тоже самое время свидѣтельствуеть и о значительномъ несоотвѣтствіи ихъ требованіямъ Корпуса; ибо въ 26 лѣтъ перемѣнить 9 священнослужителей, съ многомѣсячною иногда перепискою о нихъ, это для Корпуса значило не пользоваться ими для своей ближайшей цѣли, а самому служить только временною, переходною ступеню для ихъ возвышенія. Ни постоянныхъ и правильныхъ отношеній, ни взаимнаго сочувствія и пониманія между ними и Корпусомъ въ такой короткій промежутокъ времени не могло установиться; никакой твердой и точной системы, ни въ обученіи, ни въ нравственно-религіозномъ руководствѣ воспитанниковъ, такими случайными дѣятелями не могло опредѣлиться. Кромѣ того, они, по принятымъ обычаямъ, совсѣмъ не могли совершать нѣкоторыхъ требъ церковныхъ. Неудивительно, поэтому, что первому же іеромонаху нашли необходимымъ дать въ помощь «благаго священника», а всѣмъ по-

слѣдующимъ предоставили право самимъ, или чрезъ Корпусное начальство, приглашать, «для исправленія требъ въ Корпусѣ», стороннихъ священниковъ, пока, наконецъ, въ 1792 г., не возстановленъ былъ, сверхъ іеромонаха, постоянный штатный священникъ и не образовалось, такимъ образомъ, при Корпусѣ одновременно *два штатныхъ священнослужителя*, — одинъ подъ официальнымъ наименованіемъ «іеромонаха», а другой — «священника». Только это уже были не тѣ — іеромонахъ и священникъ, которые предполагались по штатамъ 1752 и 1764 гг., какъ единственные и потому полноправные пастыри и учителя Корпусной церкви; но первый, съ этого времени, сдѣлался преимущественно законоучителемъ, а второй требоисправителемъ въ Корпусѣ; первый главнымъ священнослужителемъ, а второй его замѣстителемъ въ церкви; первый собственно настоятелемъ, а второй однимъ изъ второстепенныхъ, подчиненныхъ первому, членовъ причта церковнаго, съ жалованьемъ ему, по старымъ штатамъ, по 60 руб. и на квартиру, «противъ прежнихъ священниковъ, на два покоя», по 38 руб. въ годъ. Поэтому, и при назначеніи таковыхъ священниковъ, епархіальному начальству нерѣдко приходилось быть очень и очень неразборчивымъ. Первымъ, напригѣръ, такимъ священникомъ назначенъ былъ, «до указа», уволенный («отосланный») изъ Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса, бывший тамъ тоже только «при исправленіи требъ церковныхъ и храненіи церковной утвари», священникъ Андрей Бордяковскій. Очевидно, что такіе священники плохими могли быть помощниками іеромонахамъ, особенно въ такомъ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, каково законоучительство. Тогда рѣшено было, вмѣсто возвышенія образовательнаго ценза и улучшенія вишняго положенія священниковъ, на положенія по штатамъ 1764 г. мѣста діаконовъ принимать «ученыхъ и способныхъ къ наставленію кадетъ закону» іеродіаконовъ или вдовихъ діаконовъ, которые, помогая до времени іеромонахамъ въ законоучительствѣ, сами впоследствии могли сдѣлаться Корпусными

іеромонахами. Жалованья имъ назначено по 150 руб., и между ними вскорѣ появилось довольно усердныхъ и способныхъ дѣятелей, каковы — Тихонъ, первый ученый іеродіаконъ Корпуса, и діаконъ Александръ Свіазевъ, впоследствии іеродіаконъ, іеромонахъ и архимандритъ Корпуса. Такимъ образомъ, мало по малу, при Корпусныхъ іеромонахахъ образовалось два постоянныхъ помощника, а если прибавить къ нимъ еще двухъ церковниковъ и діакона или пономаря, то, можно сказать, составилъ цѣлый, довольно многочисленный штатъ церковный, достаточный даже для иной приходской или соборной церкви. И въ такомъ видѣ продолжалось дѣло до самаго конца этого періода, перешедши, вмѣстѣ съ Корпусомъ, и въ слѣдующій, послѣдній періодъ Корпусной церкви. А каковы были плоды подобнаго положенія дѣлъ, объ этомъ, къ сожалѣнію, за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній, нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Можно только съ нѣкоторою увѣренностью предполагать, что прежнихъ «остановокъ» — ни въ Богослуженіи, ни въ обученіи кадетъ «Закону» — не было. Церковныя службы совершались неопустительно, а къ изученію «Краткаго и Пространнаго Катихизиса» М. Платона и священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта прибавлены еще: «Книга о должностяхъ чловѣка и гражданина» и «Нравственная философія». Но какъ все это проходило, объ этомъ можно судить отчасти потому, что всѣ «словесныя науки», къ которымъ относился и Законъ Божій, читались только по вечерамъ, что репетицій по нимъ особенныхъ не назначалось, и что ихъ положено было «заучивать чрезъ затверживаніе при сказываніи поочередно всѣхъ въ классѣ».

Что же касается общаго нравственно-религіознаго состоянія Корпуса, то, по словамъ покойнаго историографа Морского Министерства, Ө. Ө. Веселаго, въ немъ, по официальнымъ донесеніямъ, царил миръ, тишина и взаимное благоволеніе, а «на самомъ дѣлѣ все было гораздо суровѣе, чѣмъ на бумагѣ, и эта двой-

ственность особенно замѣтна при сравненіи письменныхъ документовъ съ разсказами очевидцевъ, тогдашнихъ воспитанниковъ Корпуса. По свидѣтельству, напримѣръ, одного изъ нихъ (Адмирала Беллинсгаузена), тогдашній Корпусъ представлялъ собою ни болѣе, ни менѣе, какъ «особый малый міръ тѣмъ». И главной, хотя и вѣдшей, причиной такого печальнаго явленія, по мнѣнію людей компетентныхъ, было то, что Корпусъ находился въ Кронштадтѣ, вдали отъ ближайшаго надзора высшаго начальства: самъ «Главный Директоръ» Корпуса, по дѣламъ службы, проживалъ обыкновенно не въ Кронштадтѣ, а въ Петербургѣ. Поэтому, говорить тотъ же историкъ, Императоръ Павелъ Петровичъ сдѣлалъ великое благодѣяніе, возвративъ Корпусъ въ Петербургъ и обративъ на него свое личное, непосредственное вниманіе. Не меньшимъ благодѣяніемъ это возвращеніе оказалось и для празднующей теперь свое столѣтіе — церкви Морскаго Корпуса.

Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе о возвращеніи Корпуса въ Петербургъ послѣдовало 8-го Декабря 1796 года. На третій день, т. е. 10-го Декабря, цѣлая половина Корпуса была уже въ Петербургѣ; а на четвертый день Корпусъ уже удостоился Высочайшаго посѣщенія. Такая чрезвычайная, при всей неожиданности, быстрота перемѣщенія объясняется тѣмъ, что для Корпуса въ Петербургѣ уже заранѣе, безъ всякихъ хлопотъ съ его стороны, былъ, что называется, «готовъ и столъ и домъ», — тотъ же самый, только перестроенный и какъ будто нарочно снова къ Корпусу приспособленный, домъ, который, 25 лѣтъ тому назадъ, по случаю пожара, покинутъ былъ Корпусомъ. А въ этомъ домѣ была готова и церковь, только не прежняя, въ «нижняго аппарата палатахъ» приютившаяся, а совершенно новая, надъ всѣмъ старымъ зданіемъ возвышавшаяся, церковь. Произошло же это, по сохранившимся архивнымъ документамъ, слѣдующимъ образомъ.

Еще въ 1792 году, когда о переводѣ Морскаго Корпуса не было и помину (ему въ этомъ году только-что подарены

былъ Императрицею Екатериной, «для удобнѣйшаго пребыванія въ немъ», роскошный Ораніенбаумскій Дворецъ), состоялось Высочайшее повелѣніе объ отдачи покинутого нѣкогда Морскимъ Корпусомъ, бывшаго «Минихова» дома въ вѣдѣніе директора Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцевъ, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Мусина-Пушкина. Корпусъ этотъ, устроенный собственно для греческихъ выходцевъ, почему и называвшійся иногда «Греческимъ Корпусомъ», помѣщался до сихъ поръ на Петербургской сторонѣ, въ очень тѣсныхъ и неудобныхъ «взвяхъ, съ офицерскими избами». Въ 1794 году Мусинъ-Пушкинъ приступилъ къ капитальнымъ надстройкамъ и перестройкамъ въ пожалованномъ домѣ, на что употребилъ до 90,000 рублей. Въ слѣдующемъ, 1795 году, «чужестранные единовѣрцы» уже перешли на новоселье, а въ концѣ этого года уже готово было вчернѣ и помѣщеніе для церкви. Оно устроено было въ новомъ, третьемъ этажѣ зданія, съ двумя отдѣленіями въ средней своей части, — заднимъ, съ низкими (въ 3 арш. 15 верш.) потолками, и переднимъ, съ высокимъ, выдающимся надъ кровлею, куполомъ, съ довольно просторнымъ, обращеннымъ на востокъ, алтаремъ и съ небольшою ризницей за нимъ. Работы производились подъ надзоромъ знаменитаго въ то время Архитектора Волкова. Въ 1796 году стѣны церкви, равно какъ и стѣны конференцъ-зала и «зала предъ нимъ», росписаны, за 450 руб., тоже не безвѣстнымъ въ то время живописцемъ Андреемъ Воронихомъ. Столяру Буфендору заказанъ, за 310 руб., иконостасъ, а мастеру Тупьеву, за 600 руб., поручено написать образа для иконостаса. Церковная утварь въ изобиліи вытребована была директоромъ Корпуса, бывшимъ одновременно и Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, изъ разныхъ богатыхъ церквей и монастырей провинціальныхъ. Наконецъ, нѣкоторыя, наиболѣе цѣнныя церковныя вещи, напримѣръ, дарохранительница, «со всѣмъ къ ней приборомъ», и пять серебряныхъ лампадъ, вѣсомъ въ 23 фун. 15 зол., оставлены Корпусомъ за собою отъ его прежней, уступленной Артиллерій-

скому Инженерному Шляхетному Корпусу, церкви. Таким образом, къ концу 1796 года церковь представлялась уже почти въ совершенно законченномъ видѣ. Оставалось только освятить ее, какъ вышеупомянутымъ рескриптомъ Императора Павла Петровича на имя Главнаго Директора Морскаго Корпуса, Адмирала Голенищева-Кутузова, повелѣно было — «немедленно принять въ свое вѣдѣніе домъ Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцевъ и обратить оный подъ Морской Шляхетный Кадетскій Корпусъ», первый совсѣмъ упразднить, а его имущество и воспитанниковъ распределить между Сухопутнымъ и Морскимъ Кадетскими Корпусами. Церковь, со всѣми ея принадлежностями, досталась, конечно, Морскому Корпусу, такъ какъ Сухопутный давно уже имѣлъ собственную благоустроенную церковь. Сохранная Мусинымъ-Пушкинымъ церковная утварь, за малыми исключеніями, почему-то тогда же роздана по разнымъ церквамъ Петербургскимъ, а заключенные имъ подряды, напимѣръ, по написанію образовъ, переданы другимъ лицамъ, и самъ онъ чрезъ полгода, съ чиномъ Тайнаго Совѣтника и графскимъ титуломъ, уволенъ отъ всѣхъ должностей прежнихъ и зачисленъ Сенаторомъ.

Въ январѣ слѣдующаго, 1797 года, еще нѣкоторая часть Морскаго Корпуса переведена въ Петербургъ, а вмѣстѣ съ нею перенесены были изъ Кронштадта и нѣкоторыя, недостававшія для открытія Богослуженія въ новой церкви, священныя вещи, безъ которыхъ легко могла обойтись продолжавшая еще свое существованіе Кронштадтская церковь. Наконецъ, *15-го Марта назначено было освященіе церкви*, а 16-го Голенищевъ-Кутузовъ уже доносилъ Императору:

«Имѣю счастье всеподданнѣе донести Вашему Императорскому Величеству, что вчерашняго дня въ Морскомъ Шляхетномъ Корпусѣ освящена церковь во имя Святаго Исповѣдника архіепископа Павла, коего память празднуется въ день всерадостнѣйшаго восшествія Вашего Императорскаго Вели-

чества на Всероссийскій престолъ. Освященіе совершалъ Преосвященный Иннокентій, архіепископъ Псковскій, и къ тому приглашены были: Главнокомандующій въ городѣ, Графъ Букгевденъ, члены Адмиралтействъ-Коллегіи и начальствующіе надъ училищами. Архимандритъ Ксенофонтъ, законоучитель въ Корпусѣ, сказывалъ по этому случаю проповѣдь».

Церковь Морскаго Корпуса, такимъ образомъ, сдѣлалась не только лучшимъ украшеніемъ и освященіемъ Корпуса, но и знаменательнымъ памятникомъ Императора, который такъ любилъ флотъ и его колыбель, Морской Корпусъ, что и на престолѣ сохранилъ данное ему ранѣе званіе Генераль-Адмирала.

По внѣшнему своему виду и внутреннему устройству, она представляла тотъ же типъ строгаго, но спокойнаго величія и скромной, но изящной простоты, который сохраняетъ и донынѣ. Только прежде она выглядѣла еще проще и скромнѣе. Напимѣръ, при входѣ въ нее изъ боковаго, съ сѣверной стороны устроеннаго притвора, вась не поражали тѣ черныя мраморныя доски, которыми уставлена теперь противоположная, а за нею и другія двѣ стѣны церкви, съ именами убитыхъ въ разныхъ сраженіяхъ, а также погибшихъ при кораблекрушеніяхъ и при исполненіи служебныхъ обязанностей — моряковъ: онѣ явились только съ 1854 года. Точно также, при поворотѣ къ алтарю, на лѣво, глазъ не останавливался на нѣломъ рядѣ выкрашенныхъ темно-голубой краской и раздѣланныхъ подъ лапись-лазурь колоннъ и пилястръ, угрюмо обрамляющихъ царскія двери и мѣстные образа: колонны и пилястры эти тогда выкрашены были одною со всѣмъ иконостасомъ — бѣлою, подлакъ, краскою, почему и не производили на зрителя особаго впечатлѣнія. Стѣны не блестяли тѣмъ мягкимъ, бѣлаго и сѣраго цвѣта искусственнымъ мраморомъ, которымъ онѣ одѣлись впоследствии, и не ласкали зрѣнія выгнѣнными своими карнизами, тягами и по плафонамъ — лѣпыми украшеніями и розетами. Освѣщеніе также еще не оспиривало свѣта у дня, какъ теперь, при боль-

шой электической люстры, при сотнѣ малыхъ электрическихъ лампочекъ и при двухъ большихъ таковыхъ-же фонаряхъ: оно ограничивалось одною хрустальною, о 12-ти подсвѣчникахъ, люстрой и нѣсколькими малыми, предъ мѣстными и другими образами, свѣчами и лампадами, что держало церковь, даже и по большимъ праздникамъ, въ рѣшительномъ полумракѣ, особенно въ средней, освѣщавшейся сверху однимъ полукруглымъ окномъ, ея части. О нынѣшней бронзѣ, красивыхъ голландскихъ печкахъ и паркетныхъ полахъ, конечно, и говорить нечего. Кромѣ того, она подавляла присутствовавшихъ своими слишкомъ, какъ сказано выше, низкими, въ алтарѣ и задней части, потолками и затрудняла дыханіе отсутствіемъ всякой вентиляціи. Всѣ эти недостатки устранены и всѣ улучшения произведены, какъ мы увидимъ ниже, только — почти наканунѣ приближающагося церковнаго юбилея.

За то, самое главное и самое дорогое для молящихся въ церкви, а именно иконостасъ, если не брать во вниманіе вышеупомянутой лапш-лазури на его колоннахъ, со всѣми его украшениями и св. иконами, къ великому утѣшенію старыхъ и назиданію молодыхъ моряковъ, и до сихъ поръ остался тотъ же, что былъ 100 лѣтъ тому назадъ. Тотъ же значительный выступъ въ немъ для очень изящныхъ, со сквозною рѣзбою и съ обычными изображеніями, царскихъ дверей; таже позолота на образахъ, карнизахъ и капителяхъ двухъ колоннъ и 10-ти пилестръ иконостасныхъ; тѣже фигурныя надставки на пилестрахъ и въ нихъ небольшія круглыя иконы, а по сторонамъ, въ видѣ древнихъ урнъ, маленькія съ факелами вазы; наконецъ, таже надъ царскими дверями круглая Тайная Вечера, съ окружающими ее 12-ю херувимами въ особыхъ четырехугольныхъ рамкахъ, а надъ нею — тѣже массивныя, сдѣланныя изъ алебаstra и вызолоченныя два ангела, поддерживающіе Нерукотворенный Образъ Спасителя. Направо отъ царскихъ дверей — тотъ же, во весь ростъ написанный, образъ Господа Вседержителя, а за нимъ, на юж-

ной двери, — Архангела Михаила, поражающаго дракона, и далѣе, за лѣвымъ клиросомъ, — Святителя Павла Исповѣдника, съ привѣшеннымъ на груди на золотой цѣпочкѣ, орденомъ Св. Анны (только что включеннымъ тогда въ число орденовъ русскихъ, которыми Императоръ сталъ награждать и духовныхъ...). Сверху этого образа надпись: «Архіепископъ Павелъ», а внизу подпись: «День всерадостнаго восшествія на престолъ Его Императорскаго Величества, 6-го Ноября, 1796 года». Налѣво отъ царскихъ дверей — тотъ же образъ Богоматери, безъ Богомладенца, стоящей, въ молитвенномъ положеніи, на лулѣ, и окруженной Херувимами (на образѣ этомъ, внизу, замѣтны слѣды задѣланнаго крестообразнаго разрѣза...); далѣе, на сѣверныхъ дверяхъ — тотъ же образъ св. пророка Моисея со скрижалями, а еще далѣе за нимъ, у лѣваго клироса, — св. Николая Чудотворца. Всѣ эти образа частію докончены (послѣ вышеупомянутаго мастера Тупьева), а частію вновь написаны ко дню освященія храма извѣстнымъ тогда живописцемъ Воиновымъ, и ко всѣмъ имъ подвѣшены вышеупомянутыя, оставшіяся отъ Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцевъ, лампы серебряныя. Тѣмъ же живописцемъ и въ тоже самое время написаны находящіеся въ царскихъ вратахъ, небольшого размѣра, круглыя образа 4-хъ Евангелистовъ и Благовѣщенія Божіей Матери, а также вставленные въ особые надставки на пилестрахъ — такой же формы образа Великомученика Евстафія, преподобнаго Потапія и Апостоловъ Петра и Павла. Первые, большія иконы написаны на холстѣ, а послѣднія, вмѣстѣ съ Тайной Вечерію, на жести, и за работу за нихъ, сверхъ отданныхъ Тупьеву 162 руб., заплачено 1,000 руб. Наконецъ, три изъ украшающихъ теперь церковь иконъ, если и не современны самому освященію храма, то несомнѣнно совпадаютъ съ его первой годовщиной. Это, во первыхъ, бывшій запрестольный, а теперь на лѣвой стѣнѣ алтаря находящійся образъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а во вторыхъ, стоящіе въ задней части церкви образа — св.

Андрея Первозванного и св. мученика Феодула. Они, по заказу «Главнаго Директора Корпуса», написаны живописцем Мошковым, первый за 75 руб., а послѣдніе два за 200 руб. Тогда же и тѣм же Мошковымъ, за 150 руб., написана и нѣсколько разъ возобновлявшаяся послѣ, но сохранившая прежній свой видъ, св. Плацаница.

Если ко всему этому прибавить, что, не смотря на послѣдующія пріобрѣтенія и улучшенія, и главные священные сосуды, и нѣкоторые изъ крестовъ и Евангелій на престольныхъ, и даже одно изъ кадиль серебряныхъ, до сихъ поръ въ этой церкви употребляются тѣ же, что и въ первые годы ея существованія, то можно сказать, что въ столѣтнюю годовщину этой церкви молящіяся мысленно встрѣтятся въ ней съ ея первыми молитвенниками и духовно сольются съ ними въ чувствахъ благоговѣйнаго радости о сохраняющемся въ главныхъ чертахъ и только въ деталяхъ возрастающемъ благолѣпіи ихъ завѣтной святости.

Въ 1816 году эта церковь дважды потерпѣла отъ случившихся въ Корпусѣ пожаровъ, произошедшихъ отъ плохого состоянія трубъ и самыхъ стѣнъ зданія. Отъ перваго сгорѣлъ полъ церкви и окружавшія его комнаты, а отъ втораго — часть черепичной крыши надъ церковію. Въ оба пожара самъ Государь Императоръ былъ въ Корпусѣ. Но эти пожары только послужили поводомъ къ дальнѣйшему, въ 1825 году оконченному, исправленію и улучшенію всего зданія, а вмѣстѣ съ нимъ и церковнаго помѣщенія. Такъ, на примѣръ, на мѣстѣ прежнихъ пробѣжкихъ воротъ устроена въ это время красивая парадная лѣстница, ведущая, между прочимъ, и къ особенной церковной лѣстницѣ; вмѣсто черепицы, крыша надъ церковію и по всему зданію покрыта желѣзомъ; самая церковь возобновлена и снабжена новою, богатою утварю.

Въ 40-хъ годахъ въ церкви произведены новыя улучшенія, а въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ эти улучшенія завершены, и

церковь приняла настоящій свой видъ. Въ это послѣднее время — 1) поднять болѣе, чѣмъ на аршинъ, потолокъ задней части церкви; 2) деревянные на потолокъ и въ полу балки замѣнены желѣзными; 3) внутреннія стѣны, по причинѣ ихъ тонкости (въ 14 вершк. ширины), нарощены до 1½ кирпичей, по цементу; 4) въ сгнившемъ деревянномъ куполѣ церкви стропила, съ круглымъ основаніемъ ихъ, сдѣланы вновь изъ желѣзныхъ двутавровыхъ балокъ; 5) сосновый полъ по всей церкви замѣненъ паркетнымъ; 6) приподнять алтарь, съ солею предъ нимъ, на 2 ступени; 7) увеличены (съ 3-хъ на 4 арш.) и украшены филленками, по особому рисунку, двери церковныя; 8) всѣ стѣны, съ тягами и карнизами, сдѣланы, какъ сказано, вновь изъ цвѣтнаго, бѣлаго и сѣраго мрамора, а потолоки, съ лѣпными украшеніями и карнизами, — алебастровые; 9) въ задней части церкви поставлены двѣ искусственнаго мрамора колонны, служащія для поддержки боковыхъ кессоновъ; 10) реставрированы, съ сохраненіемъ точнаго прежняго вида, иконостасъ, со всѣми его иконами; 11) сдѣланъ новый престоль съ кипарисной доской; 12) старая алебастровая люстра замѣнена новой, бронзовой, въ 42 свѣчи и съ 8-ю при ней, одинаковаго стиля, бронзовыми же бра, по 6-ти свѣчей въ каждомъ, и съ возобновленными другими 8-ю, вызолоченными, деревянными, по 4 свѣчи въ каждомъ; 13) исправленъ и вызолоченъ надкупольный крестъ съ шаромъ; 14) устроена довольно сложная, двойная, для притока вѣшняго и вытягиванія внутренняго воздуха, вентиляція; 15) написано нѣсколько новыхъ образовъ, помѣщенныхъ въ притворѣ, алтарѣ и ризницѣ церковныхъ; 16) съ надворной стороны, на стѣнѣ, прилегающей къ притвору церковному, поставлена небольшая звонница для колокола, съ мѣднымъ, бронзирваннымъ крестомъ надъ нею; 17) драпированы окна, исправлены дымоходы и передѣлана крыша церковная. Наконецъ, устроено, какъ сказано выше, по всей церкви богатое электрическое освѣщеніе и пополнена утварь церковная. На все это, кромѣ утвари и электри-

ческаго освященія, употреблено 36,313 руб. изъ особенныхъ, отпущенныхъ на капитальный ремонтъ Корпуса, суммъ казенныхъ. Строителемъ былъ, теперь уже покойный, Корпусный архитекторъ Антиповъ, а главнымъ руководителемъ — бывший директоръ Корпуса, нынѣ Генераль-Адъютантъ, Дмитрій Сергѣевичъ Арсеньевъ.

30-го Сентября, 1893 года, о. Іоанномъ Кронштадтскимъ, въ служеніи мѣстнаго благочиннаго и Корпуснаго законоучителя, совершено освященіе церкви. Къ освященію, кромѣ нѣкоторыхъ, менѣ замѣтныхъ, пожертвованій церковною утварью (Генераль-Лейтенанта Вальбронда) и образами (Полковниковъ—Павлинова, Клеопина и др.) семействами Корпусныхъ офицеровъ вышиты роскошный гарусный, съ изображеніемъ герба Корпуса, компаса и морскихъ орнаментовъ, коверъ, въ 10 арш. 3 вер. длиною и $2\frac{1}{4}$ арш. шириною; а воспитанниками Корпуса пожертвованъ большой запрестольный образъ Воскресенія Христова (копія съ находящагося въ Академіи Художествъ образа работы, професс. Шампина).

Церковь, въ такомъ ея видѣ, въ послѣдній разъ почтена была посѣщеніемъ Государя Императора съ Государыней Императрицей въ прошломъ 1896 году, Января 24-го, причемъ Ихъ Величества встрѣчены были законоучителемъ Корпуса — въ полномъ облаченіи, съ крестомъ и св. водою, а воспитанниками — съ пѣніемъ тропаря «Спаси, Господи, люди Твоя».

Высочайше Посѣтители съ особеннымъ вниманіемъ оставились на мраморныхъ, черныхъ и сѣрыхъ (послѣднія, для записи погибшихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, поставлены были только въ минувшее директорство), доскахъ церковныхъ, на поднятомъ потолкѣ въ задней части церкви и на вышеупомянутыхъ особенностяхъ образа св. Павла Исповѣдника.

Къ сказанному, для полноты очерка, слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько словъ о причтѣ и прихожанахъ настоящей церкви. Въ этомъ отношеніи, ея столѣтняя исторія можетъ быть подраз-

дѣлена на два довольно рѣзко отличающіяся одинъ отъ другаго періода: первый, кратчайшій, съ ея основанія до царствованія Императора Николая Павловича, а второй, длиннѣйшій, съ царствованія Николая Павловича до послѣдняго времени. Первый былъ заключеніемъ Кронштадтскаго, монашескаго настоятельства въ церкви, а послѣдній — исключительнымъ настоятельствомъ и законоучительствомъ «благаго» духовенства.

Первый періодъ начался вышеупомянутымъ, перешедшимъ изъ Кронштадта, архимандритомъ Ксенофонтомъ, при которомъ освящена была церковь. Но онъ только полгода пробылъ въ новой церкви и осенью того, же 1797 года, перешелъ въ Сухопутный Корпусъ. На мѣсто его назначенъ іеромонахъ Александръ, но и этотъ, кажется — еще до предъявленія къ мѣсту служенія, получилъ иное назначеніе (въ Академіи Художествъ). Мѣсто его занялъ бывший іеродіаконъ Корпуса Анатолій, долѣе и болѣе всѣхъ лицъ монашествующихъ потрудившійся для Корпусной церкви, а потому заслуживающій нѣсколькихъ лишнихъ словъ о своей жизни и дѣятельности. По окончаніи, въ 1794 году, курса Александровской «Главной Семинаріи», онъ сначала поступилъ въ діаконы къ церкви Владимірской Божіей Матери, а потомъ, «по овдовѣніи», перешелъ, діакonomъ же и «учителемъ Закона и Россійской словесности» въ находившійся тогда еще въ Кронштадтѣ — Морской Корпусъ. Въ 1798 году принявъ монашество и сдѣланъ Корпуснымъ іеромонахомъ, съ зачисленіемъ, сверхъ того, въ «соборные іеромонахи», Черезъ четыре года переименованъ въ архимандриты — сначала Казанскаго Зилантѣвскаго, а потомъ Можайскаго Лужецкаго монастыря; о этихъ монастыряхъ онъ даже и не видалъ, оставаясь по прежнему, въ качествѣ очереднаго архимандрита, въ С.-Петербургѣ и отправляя здѣсь обязанности Корпуснаго іеромонаха. Таковъ, впрочемъ, тогда былъ основанный на Имянныхъ указахъ — порядокъ дѣлъ и въ другихъ двухъ Корпусахъ: и тамъ

законоучителями состояли также архимандриты, именовавшіеся по разным монастырям, но въ нихъ никогда не бывавшіе, а получавшіе только дополнительное, соответственное содержаніе (вмѣсто 100 руб., по званію «соборнаго іеромонаха», по 500 р. въ годъ). Наконецъ, въ 1805 году, онъ назначенъ «тою же степенью» и на этотъ разъ дѣйствительно уже переведенъ—Тверской епархіи во второкласный Краснохолмскій Антоніевъ монастырь, прослуживъ, такимъ образомъ, въ Корпусѣ около 10-ти лѣтъ и оставивъ по себѣ самыя добрыя воспоминанія. Характеризуя, напримѣръ, его пастырскую и законоучительскую дѣятельность, тогдашній директоръ Корпуса выражался о немъ, что «при усердномъ исполненіи должности законоучителя, онъ и кромѣ классовъ весьма часто наставлялъ благородное юношество поучительными изящнаго состава и слога словами, а паче подкрѣплялъ собственнымъ примѣромъ и назидательнымъ поведеніемъ». Въ Богослуженіи, какъ замѣтно, соблюдалъ строгій порядокъ, красоту и торжественность, а во взаимныхъ отношеніяхъ съ причтомъ и прихожанами наблюдалъ должную сдержанность и официальность. При немъ церковь украсилась нѣкоторою новою утварью и богатыми, по преимуществу бѣлаго и голубого цвѣта, облаченіями, а въ составѣ причта произошла та, противъ его предшественника, перемѣна, что постоянно сохранялся и поддерживался полный комплектъ священно-церковно-служителей. Съ его также времени, а именно съ 1803 г., въ церкви начали вестись правильно и безъ опущеній разныя «духовныя книги» и «вѣдомости». Преемникомъ его былъ, также назначенный изъ Корпусныхъ іеродиаконовъ, бывшій учитель Черниговской Семинаріи, іеромонахъ Евлогій. При немъ іеродиаконовъ, въ обученіи кадетъ, начинаютъ замѣнять священники. По слабости здоровья, онъ въ 1810 году, отъ должности былъ уволенъ, а на его мѣсто, за недостаткомъ въ Корпусѣ собственного кандидата, былъ назначенъ только-что возвратившійся, съ прекрасными рекомендаціями, изъ нашей Мадритской миссіи

Александровской Лавры іеромонахъ Діонисій. Въ 1812 году онъ, вмѣстѣ съ Корпусомъ, совершилъ нелегкое путешествіе въ Свеаборгъ, за что тогда же, «въ урваніе съ законоучителями 1-го и 2-го корпусовъ», награжденъ, «изъ установленныхъ для бѣлаго духовенства знаковъ отличія», золотымъ наперснымъ крестомъ и, вмѣстѣ съ ними, возведенъ въ званіе «настоятеля Корпусной церкви», съ правомъ и обязанностію «имѣть надзоръ за благочиніемъ и порядкомъ въ своей церкви». Въ 1814 году, за назначеніемъ въ Старо-русскій монастырь въ архимандриты, онъ уступилъ свое мѣсто соборному іеромонаху Константину, родомъ малороссу, обучавшемуся въ Екатеринославской Семинаріи и уже прослужившему около 7-ми лѣтъ, въ званіи діакона и священника, въ разныхъ приходскихъ церквяхъ. Со всею ревностію и самою широкою, заимствованною, конечно, изъ Семинаріи, программю по Закону Божію, онъ было принялся за дѣло, но на второмъ-же году службы, почувствовавъ въ себѣ, по случаю произошедшаго въ Корпусной церкви пожара, «пихондрическую болѣзнь», переѣхалъ въ Александровскую Лавру и тамъ, черезъ два дня, «безцѣльно померъ». Долго послѣ того (около 9-ти мѣсяцевъ) въ Корпусѣ не назначался новый іеромонахъ, такъ какъ замѣститель его, священникъ Романовскій, по засвидѣльствованію инспекціи, оказывалъ вполне «усердное и ревностное стараніе въ преподаваніи кадетамъ Закона Божія». Наконецъ, во исполненіе указа Святѣйшаго Синода на имя митрополита, сюда снова опредѣленъ былъ «настоятелемъ по церковнослуженію и законоучителемъ» соборный Александровской Лавры іеромонахъ Говъ. Это былъ послѣдній, но много заставившій говорить о себѣ, іеромонахъ въ Корпусѣ. По происхожденію, онъ былъ священнической сынъ; обучался сначала въ Архангельской, а потомъ въ Троицкой Лаврской Семинаріи. Въ 1810 году, сдѣлался учителемъ въ Архангельскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ преподавалъ преимущественно разныя языки; потомъ—

библиотекаремъ Семинаріи, а послѣ — священникомъ двухъ, попеременно, церковей и, наконецъ, по отчисленіи отъ нихъ, — экономомъ Семинаріи. Въ 1816 году, 32-хъ лѣтъ отъ роду, постриженъ въ монашество, съ причисленіемъ къ Александровской Лаврѣ, и назначенъ Корпуснымъ іеромонахомъ и учителемъ «Россійской грамматики», съ жалованьемъ, по обѣимъ должностямъ, по 750 руб. въ годъ. «Религіозная жизнь, говорить одинъ изъ его бывшихъ и, можетъ быть, слишкомъ увлекавшихся имъ учениковъ, при немъ быстро возродилась. Прекрасный собою, кроткій, любящій, увлекательный, онъ вдругъ овладѣлъ сердцами всѣхъ, особенно же тѣхъ, которые дома были подготовлены религіозно. Во время Богослуженія, когда онъ своимъ симпатичнымъ голосомъ читалъ Евангеліе за всенощной или за обѣдней, это Божественное слово поистинѣ проникало въ сердце, такъ что у нѣкоторыхъ слезы навертывались на глазахъ, какъ это было со мною. Въ преподаваніи Закона Божія онъ рассказывалъ намъ дивное величіе и благодать Божію и Его безконечное милосердіе къ обращающимся на путь добродѣтели, и такимъ образомъ возжигалъ въ юныхъ сердцахъ любовь къ Богу, по которой является ненависть къ пороку и рѣшимость творить только угодное Богу. Да, это было самое сладкое время для нашихъ душъ! И какое вліяніе оно имѣло на всѣхъ! Какъ улучшились нравы, какое бодрствованіе и наблюденіе надъ собою, какая кротость и скромность заступили мѣсто безстыдныхъ выраженій и привычекъ, какой миръ!» и проч. Къ сожалѣнію, и этого «чуднаго» іеромонаха скоро не стало въ Корпусѣ: на третьемъ году службы его постигла какая-то необыкновенная душевная болѣзнь, въ припадѣ которой онъ однажды произвелъ чрезвычайный безпорядокъ въ церкви и, разумѣется, тотчасъ-же былъ удаленъ изъ Корпуса. Сначала его, по прошенію, помѣстили въ Коневецкій общежительный монастырь, а потомъ выслали въ Архангельскъ, гдѣ онъ, не оправившись совершенно отъ недуга, и кончилъ, какъ частный человѣкъ,

многомятежные дни свои. Съ нимъ вмѣстѣ кончилось и званіе особыхъ іеромонаховъ въ Корпусѣ, — званіе, созданное трудностію, въ прошломъ и началѣ настоящаго столѣтія, находить для учебныхъ заведеній священниковъ «изъ ученыхъ», т. е. прошедшихъ полный курсъ духовнаго образованія, но теперь, съ умноженіемъ и преобразованіемъ духовно-учебныхъ заведеній, уже потерявшее свой *raison d'être* и незамѣтно, безъ особыхъ начальственныхъ распоряженій, уступившее свое мѣсто священнику изъ «благаго» духовенства, съ высшимъ или даже среднимъ образованіемъ.

Первымъ такимъ священникомъ и былъ помянутый выше — Романовскій. Но такъ какъ онъ былъ, вмѣстѣ, и послѣднимъ изъ прежнихъ, подчиненныхъ іеромонахамъ, священниковъ, проложившихъ имъ путь къ настоятельству, то справедливость требуетъ, хотя кратко, упомянуть здѣсь и о его предшественникахъ. Это, во первыхъ, Тимофей Миноушскій, назначенный, въ 1803 году, только «для исправленія требъ» въ Корпусѣ, но въ слѣдующемъ же году и скончавшійся отъ чахотки. Во вторыхъ, Василій Ивановъ, исправлявшій однажды должность законоучителя въ «нижнихъ» классахъ Корпуса, но, съ назначеніемъ іеродіакона, обращенный опять въ простые требоисправители при церкви. Въ третьихъ, Никита Александровъ, онъ же и Орловскій, изъ студентовъ С.-Петербургской Академіи, бывшій сначала священникомъ въ Копенгагенѣ, а въ 1807 г. назначенный въ Морской Корпусъ, «для исправленія церковныхъ требъ, съ препорученіемъ ему обученія кадетъ исторіи» и съ жалованьемъ, по званію священника, по 200 руб., и учителя — по 150 руб. въ годъ. Въ 1810 году онъ перешелъ къ церкви Александровской мануфактуры, а на его мѣсто опредѣленъ уже четвертый, въ продолженіи 8-ми лѣтъ, священникъ Іоаннъ Перекомскій, который также, черезъ годъ, переведенъ къ церкви живоначальной Троицы, что въ Галерной гавани, съ тѣмъ, впрочемъ, «чтобы онъ занималъ должность и въ Кор-

пусъ, буде начальство будетъ того требовать». Но начальство, вмѣсто него, представило на освободинуюся вакансію собственнаго кандидата, вѣшеупомянутого Симеона Романовскаго, который и былъ, въ 1812 г., рукоположенъ сначала въ діаконъ, а потомъ въ священника къ Корпусной церкви. По образованію, онъ былъ воспитанникъ армейской (находившейся на мѣстѣ нынѣшняго Елисаветинскаго Института) Семинаріи, а по характеру—человѣкъ преимущественно жизни и практики. Съ самаго же начала онъ удержалъ засобою законоучительство въ «нижнихъ» классахъ Корпуса, а потомъ, по смерти іеромонаха Константина, занялъ, какъ сказано выше, и «верхніе» классы, доведши, такимъ образомъ, свое содержаніе до 500 руб. въ годъ. Въ то же время онъ, съ согласія начальства, настаивалъ, хотя и безуспѣшно, на постоянномъ своемъ настоятельствѣ въ церкви. Наконецъ, по увольненіи Юва, хотя и оставался, въ продолженіи 9-ти лѣтъ, единственнымъ священникомъ и главнымъ (другимъ былъ діаконъ) законоучителемъ въ Корпусѣ, но, при открывшемся на Петербургской сторонѣ, въ церкви Введенія Божіей Матери, священническомъ мѣстѣ, подать епархіальному начальству прошеніе, въ которомъ, указывая на свою 15-ти лѣтнюю, священническую и законоучительскую, при Корпусѣ, службу («каждый день по 4 часа») и на «недостаточное штатное жалованье съ семействомъ», просилъ о переводѣ его на означенное мѣсто, каковое, въ августѣ 1827 года, и получилъ. Отсюда, черезъ два года, переведенъ былъ въ Ямбургскій Соборъ, гдѣ и окончилъ дни свои.

Такимъ образомъ, въ настоящей Корпусной церкви, за первые тридцать лѣтъ ея существованія, смѣнилось 7 іеромонаховъ и 5 священниковъ. Кроме того, за то же время, перебивало нѣсколько іеродиаконовъ, занимавшихъ потому должности іеромонаховъ. Они собственно были помощниками іеромонаховъ «по обученію», но они же обыкновенно, за особое, впрочемъ, каждый разъ вознагражденіе, участвовали и въ отправленіи

церковнаго Богослуженія. Штатные «при церкви», діаконы появились только съ 1819 года, и первымъ изъ таковыхъ былъ обучавшійся въ Александровской Семинаріи — Ювеналій Покатскій. Но о немъ и его преемникахъ, какъ уже принадлежавшихъ къ слѣдующему, послѣ-монашескому періоду Корпуснаго духовенства, и сказано будетъ только впоследствии. Были, наконецъ, по штату, положены дячекъ и два служителя при церкви.

О нравственно-религіозномъ состояніи самаго прихода, или юныхъ прихожанъ этого періода Корпусной церкви, надобно сказать, что оно хотя и возвысилось нѣсколько противъ Крепштадтскаго, но все еще представляло много грубаго и порочнаго въ образѣ жизни и поведенія молодежи. Ибо «воспитаніа» въ Корпусѣ и въ это, сравнительно новое время, почти еще не было. Воспитанники всѣхъ возрастовъ жили еще вмѣстѣ, въ однихъ комнатахъ, а офицеры дежурили по пѣчьямъ и рѣдко посѣщали роты. А потому, по словамъ одного изъ питомцевъ тогдашняго Корпуса, «кто хорошо былъ воспитанъ дома, до 11-лѣтняго возраста, тотъ только и могъ пройти всѣ искушенія Корпусной жизни. А искушенія эти были дѣйствительно велики: въ Корпусѣ было свободное поле невозможнымъ страстямъ и порокамъ. Къ этому другой прибавляетъ: «между кадетами право сильнаго было въ общемъ употребленіи; но вслѣдъ за тѣмъ маленкій и слабосильный гардемаринъ могъ самовластно распоряжаться самымъ взрослымъ и сильнымъ кадетомъ». И примѣръ тому подавали иногда сами же офицеры, ибо «каждый офицеръ могъ наказывать воспитанника, какъ угодно, и неудивительно, что нѣкоторые пользовались этимъ правомъ чрезъ мѣру». Это не значитъ, чтобы въ Корпусѣ въ то время совсемъ не было добрыхъ и способныхъ воспитателей, нѣтъ; какъ въ обученіи тогдашнихъ питомцевъ наплъсь такіе дѣтели, какъ Гамалея и Горковенко, заставлявшіе учениковъ полагать почти всѣ предметы для излюбленныхъ ими математическихъ

наукъ, такъ и въ воспитаніи этихъ «недорослей» нашелся человѣкъ, съумѣвшій многихъ изъ нихъ отвлечь отъ власти тьмы, грубости и порока, и направить къ царству свѣта, правды и добра. Только, очевидно, тутъ уже дѣйствовала не система, не общая, установившаяся программа воспитанія, а частный починъ, отдѣльное, хотя и согласованное съ общимъ духомъ заведенія, убѣжденіе, на собственный страхъ и отвѣтственность дѣятеля. Слѣдовательно, и тутъ въ Корпусѣ мы видимъ скорѣе «самовоспитаніе», чѣмъ правильное, систематическое воспитаніе, а въ данномъ случаѣ, какъ это оказалось впоследствии, скорѣе влияніе доброй, христіанской-семьи и церкви, чѣмъ проявленіе собственныхъ педагогическихъ началъ и соображеній воспитателя. Разумѣемъ достопочтеннаго, съ 1804 по 1827-й г. прослужившаго въ Корпусѣ, Капитанъ-Лейтенанта, Князя Сергѣя Александровича Ширинскаго-Шихматова. Это былъ отъ природы набожный и съ самаго дѣтства религіозно-воспитанный, да кромѣ того, и всесторонне-образованный человѣкъ. Конечно, въ званіи офицера, онъ не могъ говорить съ воспитанниками, какъ законоучитель, а въ качествѣ «частнаго» офицера, не могъ простираť своей дѣятельности на весь Корпусъ; но, какъ ближайшій начальникъ и руководитель своей «части», онъ все-таки долгомъ считалъ приходить, по отношенію къ ней, на помощь и законоучителю, а когда встрѣчалъ, то не отвергалъ сочувствія и содѣйствія себѣ и другихъ воспитателей и воспитанниковъ. Въ первые же, по поступленіи въ Корпусъ, годы онъ заявилъ себя не только искуснымъ морякомъ, но и прекраснымъ, вполне разумнымъ и гуманнымъ воспитателемъ. Когда-же, въ 1825 году, его сдѣлали ротнымъ командиромъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на религіозно-правственное воспитаніе своей роты. Отдѣливъ свою, младшую роту отъ старшихъ, онъ выбралъ, сверхъ офицеровъ, нѣкоторыхъ гардемаринъ себѣ въ помощники, приобрѣлъ для ротныхъ комнатъ нѣсколько образовъ, а въ общей залѣ помѣстилъ большую, въ

серебряномъ окладѣ, икону Божіей Матери, зажегъ предъ послѣдней неугасимую лампаду и началъ передъ нею постоянныя, въ общемъ собраніи своихъ питомцевъ, утреннія и вечернія моленія. Каждое воскресенье, послѣ обѣда, оставшіеся гардемарины и кадеты у него прочитывали по очереди, по стиху, воскресныя Евангелія, а самъ онъ благоговѣбно изъяснялъ оныя. Къ этому присоединялось иногда чтеніе Акаѣистовъ, которое такъ правилось кадетамъ, что они даже изъ отпуска приходили на это ротное богомолье. Когда же наступалъ Великій постъ, то многіе всѣ шесть недѣль постились, а нѣкоторые на Страстную, въ Великую пятницу, совсѣмъ ничего не ѣли. Наконецъ, къ Свѣтлому Воскресенью каждая «часть», не замѣтно для другой, тщательно украшала свой образъ цвѣтами, пеленами и новыми лампадами, а самъ князь ежедневно, по наступленіи Пасхи, въ одномъ домѣ по 17-й линіи, кормилъ и одѣлялъ деньгами (онъ много зарабатывалъ своими служебными и литературными трудами) до 70-ти нищихъ, съ помощью тайно подобранныхъ своихъ кадетъ и гардемаринъ, которымъ строго-на-строго наказывалъ никому объ этомъ не рассказывать. «Такъ, говорить одинъ изъ бывшихъ питомцевъ этого командира, въ насъ зарождалось и раскрывалось горчичное сѣмя вѣры, нѣрѣдко заглушаемое сказками нашихъ матушекъ и нянюшекъ!» «Такъ свято, говорить другой изъ нихъ, подразумевая помощниковъ командира,—исполняли свои обязанности эти второстепенные дѣятели! Они предоставлены были самимъ себѣ, но ими руководило сознаніе долга, и они приносили кадетамъ несомнѣнную пользу». А какая въ этой ротѣ была дисциплина и какой внѣшній порядокъ, объ этомъ можно судить по тому, что разъ Государь Императоръ, осмотрѣвъ роту князя, обнялъ и расцѣловалъ князя, сказавъ, что «пришлетъ къ нему и другихъ директоровъ, для осмотра порядка, какой нашелъ у него».

Не меньшую, конечно, если не большую пользу Корпусу, при отсутствіи въ немъ собственныхъ педагогическихъ рессур-

совъ, приносила и церковь, съ ея Богослуженіемъ и богопреданными установленіями. «Службы въ ней совершались весьма благоговѣнно и благолѣпно. Были очень хорошіе пѣвчіе. Каждую субботу была всенощная, и всѣ роты фронтомъ приводились въ храмъ, гдѣ и стояли поротно, при старшихъ и младшихъ офицерахъ. Въ такомъ-же порядкѣ слушалась литургія по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ. Когда-же приближался постъ и наступали «прощенные дни», тутъ часто происходили трогательныя сцены примиренія. Между воспитанниками много было такихъ, которые домашнимъ воспитаніемъ были настроены религіозно, и часто между ними и ихъ единомыслениками происходили религіозныя бесѣды, весьма сладостно волновавшія сердца, въ свою очередь — питавшіяся и укрѣплявшіяся чтеніемъ религіозныхъ книгъ». Такъ-то незамѣтно восполнялся и покрывался недостаткомъ правильнаго, систематическаго воспитанія въ Корпусѣ, въ первые годы его Петербургскаго существованія! Такъ, благодаря церкви и ея искреннимъ почитателямъ, и на этой, частію тернистой, а частію каменистой почвѣ произрастали сѣмена вѣры и добрыхъ нравовъ, давшія, въ лицѣ многочисленныхъ и самоотверженныхъ героевъ-мучениковъ, столь нескудный и столь немаловажный плодъ вполнѣдствіи!

Переходя ко второму, послѣ-монашескому состоянію причта и прихожанъ церкви Морского Корпуса, мы поражаемся, во первыхъ, сравнительнымъ однообразіемъ или простотою личнаго состава перваго, а во вторыхъ, необычайнымъ постоянствомъ и продолжительностью его служенія. Въмѣсто всѣхъ іеромонаховъ и архимандритовъ, всѣхъ священниковъ, іеродіаконовъ и причетниковъ, мы видимъ здѣсь, большею частію, только священника, діакона и дьячка, а иногда и того меньше — только священника и дьячка, или псаломщика. Въмѣсто временнаго, двухъ-или трехъ-четырехъ лѣтняго пребыванія на мѣстѣ первыхъ, — постоянное, до смерти, существованіе при церкви по-

слѣднихъ. И какое, благодаря Бога, продолжительное существованіе! Всего, послѣ послѣдняго іеромонаха, въ продолженіи почти 70-ти лѣтъ, было при Корпусной церкви только два священника, — одинъ, прослужившій около 45-ти лѣтъ, а другой, нынѣ выслуживающій уже 25 лѣтъ! Почему это такъ, и какъ именно это отразилось на самой службѣ ихъ въ Корпусѣ, объ этомъ можно судить отчасти по ихъ личному характеру, отчасти же и по самымъ условіямъ той службы, которую они приняли на себя. Мы можемъ, однако, съ нѣкоторою обстоятельностью, сказать только о первомъ изъ нихъ, т. е. о достопочтенномъ, безъ сомнѣнія еще памятномъ всѣмъ старѣйшимъ морякамъ нашимъ, Василиѣ Дорошевичѣ Березинѣ. — Это былъ человѣкъ глубокаго ума, сильнаго характера, строгой жизни и самыхъ возвышенныхъ нравственныхъ правилъ. Разъ избравъ — не по принужденію, а по доброй волѣ — заранѣе намѣченное, или предугазанное ему свыше — поприще жизни, онъ почиталъ уже неразумнымъ и недостойнымъ, безъ особенныхъ причинъ, оставлять его. Разъ «возложивъ руку на рало», онъ полагалъ уже нечестнымъ и даже небезопаснымъ для себя и для самага дѣла «озираться вспять» или оглядываться по сторонамъ. Всѣми силами, напротивъ, старался онъ, сколько можно, укрѣпить и возвысить, нравственно и матеріально, разъ пріобрѣтенное положеніе. Вотъ, главнымъ образомъ, почему онъ и началъ и окончилъ свою службу на одномъ мѣстѣ, и проходилъ ее съ одинаковымъ спокойствіемъ и достоинствомъ, и память по себѣ оставилъ одинаково у всѣхъ лестную и почтенную! — Въ 1827 году, вслѣдъ за выходомъ изъ Корпуса священника Романовскаго, онъ заявилъ епархіальному начальству о своемъ желаніи поступить на упразднившееся мѣсто, но, какъ человѣкъ предусмотрительный и съ высшимъ, академическимъ образованіемъ (онъ былъ изъ магистровъ послѣдняго выпуска С.-Петербургской Духовной Академіи), не хотѣлъ поступить на равныхъ, не обезпечивающихъ на прочности положенія священника, ни самага успѣха службы,

правахъ съ его предшественникомъ. Тотъ былъ опредѣленъ только какъ помощникъ-іеромонаха, а этотъ захотѣлъ быть тѣмъ же въ церкви, что и бывший іеромонахъ; тотъ, и по увольненіи послѣдняго іеромонаха, исправлялъ его должность только «до помѣщенія новаго іеромонаха», а этотъ, не смотря на заявленное имъ «рѣшительное призваніе быть въ бѣломъ духовенствѣ», захотѣлъ, въ тоже время, быть постояннымъ и безсмѣннымъ его преемникомъ. И, такъ какъ обстоятельствами, какъ мы видѣли, уже подготовленъ былъ благоприятный исходъ такимъ его пожеланіемъ, то вскорѣ на поданное имъ, въ этомъ смыслѣ, прошеніе онъ и получилъ полное удовлетвореніе. Но ему было тогда только еще 25 лѣтъ отъ роду; директоромъ Корпуса былъ также новый, хотя и очень опытный и образованный человекъ (Контръ-Адмиралъ Ив. Ѳ. Крузенштернъ); наконецъ, въ другихъ Корпусахъ въ то время были еще, по прежнему, іеромонахи. Зорко, поэтому, стало присматривать за молодымъ настоятелемъ и свѣтское и духовное начальство. Запросы сыпались за запросами. Экзамены смѣнялись экзаменами, которые сопровождались нерѣдко очень неприятными замѣчаніями. Нужна была поистинѣ мудрость змѣина и кротость голубина, чтобы не оказаться ниже своего призванія, чтобъ удержать за собой свое положеніе. И онъ съ честью выдержалъ всѣ испытанія, оставаясь при всѣхъ требованіяхъ, къ нему предъявляемыхъ, всегда вѣренъ самому себѣ и своимъ принципамъ. А принципами этими были: во первыхъ, самое строгое и точное исполненіе своихъ обязанностей, а во вторыхъ, справедливое ожиданіе и отъ другихъ такого же отношенія къ своему долгу и званію. И дѣло у него пошло своимъ чередомъ, и онъ скоро привлекъ къ себѣ полное довѣріе начальства и самое искреннее, сердечное уваженіе своихъ слушателей и сослуживцевъ. Въ тоже время, и самъ настолько укрѣпился въ силахъ, что нашель возможнымъ удѣлять, отъ избытка оныхъ, нѣкоторымъ литературнымъ и частнымъ законоучебнымъ

занятіямъ. Такъ, онъ написалъ въ это время довольно солидный, изданный въ 1844 г., учебникъ по «Свящ. Исторіи Ветхаго и Новаго завѣта». Точно также, еще въ 1836 году, занялъ и ровно двадцать лѣтъ продолжалъ должность законоучителя въ сосѣдней, Ларинской гимназіи. За это же время, онъ возвысилъ свое содержаніе въ Корпусѣ съ 500 до 700 р. и получилъ почти всѣ, бывшія у него, награды отъ церкви и правительства. За то, тяжело отозвались на его, повидимому—вполнѣ установившемся характерѣ и совершенно уравновѣшенной натурѣ перемѣны, произошедшія въ 60-хъ годахъ въ Корпусѣ. Здоровье его пошатнулось. Онъ сдѣлался недовѣрчивъ, нетерпѣливъ и раздражителенъ. Въ 1866 году, за неимѣніемъ діакона, котораго, по новымъ штатамъ, не полагалось въ Корпусѣ, онъ обратился за содѣйствіемъ въ преподаваніи Закона Божія къ сосѣднему священнику; въ слѣдующіе три года, мало по малу, совсѣмъ передалъ ему законоучительство, а въ 1872 году и окончательно «почилъ отъ трудовъ своихъ». Заклочимъ воспоминаніе о немъ словами, сказанными имъ въ началѣ вышеупомянутыхъ, роковыхъ для него годовъ, при открытіи Академическихъ курсовъ. Въ словахъ этихъ слышится глубокая, надрывающая печаль сердца о томъ, чему, такъ сказать, радовался его разумъ и что оправдывалось тогдашними обстоятельствами. Въ нихъ уже сказывается та страшная борьба, уже видится то раздвоеніе въ душѣ говорящаго, которая надломилъ его цѣльную, несокрушимую натуру. «При этомъ торжествѣ, говоритъ онъ, не дадимъ въ себѣ мѣста скорби и сожалѣнію о томъ, что настоящее «открытіе» есть какъ бы предначатіе имѣющаго послѣдовать «закрытія» нашего столѣтняго разсадника знаній, по крайней мѣрѣ—въ настоящемъ его видѣ. Нѣтъ нужды, что дни этого незабвеннаго для насъ старца, такъ сказать, сочтены, и что онъ видимо оканчиваетъ свое служеніе отечеству: для многихъ и весьма многихъ изъ насъ это самое и должно быть сильнымъ побужденіемъ къ славословію

Всевышняго... Что-жь, если среди ваших трудовъ, честныхъ и добросовѣстныхъ, застали васъ новыя понятія и новыя взгляды на воспитаніе? Неужели идти противъ неукротимаго потока идей, въ началѣ темныхъ и загадочныхъ, а потомъ дѣлающихся ясными, какъ день?! Извѣстная истина, что всему есть свое время подъ солнцемъ, и кто не знаетъ, что нѣтъ ничего постоянно-неизмѣннаго въ учрежденіяхъ человѣческихъ? Что старое должно уступить новому—это въ порядкѣ вещей. Дать бы только Богъ, чтобъ новое не отдѣлилось совершенно отъ стараго и не возмечало о себѣ болѣе, нежели сколько должно. Корень держитъ дерево, а не дерево корень. Когда новое, молодое дерево пуститъ свои корни и украсится плодами возжеланными для отчества, тогда пусть оно и хвалится—не собою, а Господомъ, давшимъ ему силы рости и укрѣпляться во благо общее; а теперь это растение нужно еще насаждать и поливать» и пр. Февраля 12-го торжественно похоронили отца Березина, а его мѣсто заступилъ бывший его помощникъ, священникъ и законоучитель С.-Петербургскаго Елисаветинскаго Училища (нынѣ Елисаветинскаго Института), Капитанъ В. Бѣлявскій. Онъ поступилъ уже на готовое, почти упорядоченное положеніе церковныхъ дѣлъ въ Корпусѣ (тогдашнемъ «Морскомъ Училищѣ»), а потому ему пришлось, въ этомъ отношеніи, почти только пожинать посѣянное его предшественникомъ. Да и въ этомъ нетрудномъ дѣлѣ онъ нашелъ себѣ сильную, незамѣнимую поддержку въ благосклонномъ вниманіи къ нему двухъ, преемственно слѣдовавшихъ, одинъ за другимъ, директоровъ, нынѣ Вице-Адмираловъ—А. П. Епанчина и Генераль-Адъютанта Дм. С. Арсеньева. Труднѣе ему было справиться съ нѣкотораго рода нравственнымъ «самоуправленіемъ» воспитанниковъ, унаслѣдованнымъ отъ временъ достопочтеннаго В. А. Римскаго-Корсакова. Оно, какъ и предчувствовалъ отчасти покойный О. Березинъ, на ряду съ добрыми, животворными плодами, дало много и горькихъ плодовъ, произвело не

мало и терній. Но и эти плевелы вскорѣ самимъ же начальствомъ и Правительствомъ съ корнемъ были исторгнуты изъ почвы. Разумѣемъ печальное увлеченіе молодежи дѣлами общественными и послѣдовавшее затѣмъ возвращеніе Корпуса ко временамъ дореформеннымъ, вплоть до возстановленія, въ 1891 году, стараго наименованія Корпуса, съ сохраненіемъ, однако, его прежнихъ, «Училищныхъ» правъ и преимуществ. Дѣло священника и законоучителя облегчилось. Событіе 1881 года, также послужило значительнымъ просвѣтленіемъ религіознаго сознанія и подъемомъ нравственныхъ принциповъ въ Корпусѣ, а единодушная работа въ этомъ направленіи всего воспитательнаго персонала Корпуса сдѣлала трудъ священника—если и не вполне «благимъ и легкимъ», то, во всякомъ случаѣ, довольно сноснымъ и не безотраднымъ «бременемъ» Христовымъ. Вотъ краткій формуляръ этого священника: По происхожденію, онъ сынъ священника же Смоленской губерніи; по образованію, сначала кандидатъ, а потомъ магистръ С.-Петербургской Духовной Академіи, курса 1857 года. Въ 1858 году поступилъ на службу въ Александроневское Духовное Училище, а чрезъ два года опредѣленъ священникомъ и законоучителемъ С.-Петербургскаго Елисаветинскаго Училища. Въ 1872 году поступилъ, тѣмъ же званіемъ, въ «Морское Училище». До 1895 года раздѣлялъ законоучительскій трудъ съ приглашеннымъ имъ на помощь діакономъ церкви Академіи Художествъ, Постниковымъ, а съ означеннаго времени несетъ этотъ трудъ совершенно одинъ. Четыре раза ходилъ въ плаваніе на учебной эскадрѣ Училища. Состоитъ Членомъ Совѣта «Попечительства объ увольняемыхъ изъ С.-Петербургской Семинаріи и Духовнаго Училища ученикахъ», Членомъ «Совѣтательнаго Комитета при Совѣтѣ Императорскаго женскаго Патриотическаго Общества» и «Помощникомъ благочиннаго Василеостровскихъ церквей». По должности священника, получаетъ жалованья 820 руб., а по должности законоучителя—по числу

уроковъ, при готовой квартирѣ. Имѣеть званіе протоіерея, золотой наперсный съ украшеніями крестъ, ордена Св. Анны 2-й степени, Св. Владиміра 4-й степени и палицу. Отъ роду ему нынѣ 62 года.

При церкви, кромѣ священника и двухъ нижнихъ чиновъ, съ 1819 по 1868 г. состояли еще—діаконъ и дьячекъ; съ 1868 по 1894 г.—одинъ псаломщикъ, а съ 1894 г. снова—діаконъ и псаломщикъ. Первый, т. е. діаконъ, когда находился при церкви, обязательно былъ и законоучителемъ въ младшихъ классахъ Корпуса. Таковымъ, при протоіереѣ Романовскомъ, былъ обучавшійся въ Александроневской Семинаріи — Ювеналій Покатскій. Онъ преподавалъ «Краткій Народный Катихизисъ» и «Краткую Священную Исторію, съ вопросами и отвѣтами». Отличался, по преданію, необычайною силою, требовалъ буквального изученія учебниковъ и самъ, по тогдашнему обычаю, «расправлялся съ лѣзвивыми». Преемникомъ его, но уже при протоіереѣ Березинѣ, сдѣлался окончившій, по третьему разряду, курсъ въ той же Семинаріи, бывший діаконъ села Тосны, Василій Соболевъ. Онъ, сверхъ преподаванія тѣхъ же предметовъ, обучалъ еще «Россійской Грамматикѣ». О немъ, при опредѣленіи его въ Корпусъ, состоялась слѣдующая характерная резолюція тогдашняго викарнаго архіерея: «Учить по сему»; но какъ діаконъ сей ученія весьма слабого, то его на діаконское мѣсто къ здѣшнимъ церквамъ не опредѣлять, развѣ по прошествіи 6-ти лѣтъ, да и то—если онъ во все сіе время будетъ вести себя трезвенно, честно и въ должности своей исправно, прихожане жъ пожелаютъ имѣть его при своей церкви». Однако, еще до истеченія 6-ти лѣтъ, онъ скончался, а на его мѣсто, въ 1832 году, поступилъ студентъ С.-Петербургской Семинаріи Теодоръ Черновскій. Это былъ чрезвычайно добрый, честный и разумный труженикъ, возбудившій къ себѣ общую симпатію въ Корпусѣ. Кромѣ Корпуса, онъ занимался еще преподаваніемъ и въ другихъ заведеніяхъ,

и вездѣ пользовался вполне заслуженною любовію и уваженіемъ. Но преобразованія и новые штаты 1868 года, уничтожившія должность діакона въ Корпусѣ, заставили его искать себѣ другого мѣста, каковое онъ вскорѣ и нашелъ при церкви на Сѣнной, куда поступилъ младшимъ священникомъ. Послѣ него, до 1895 года, въ Корпусной церкви исправляли должность діакона лица, приглашаемыя со стороны, или же—состоявшіе на псаломщицкой вакансіи—діаконы; а должность законоучителя сосредоточивалась въ рукахъ одного священника, или же, при увеличеніи числа уроковъ, раздѣлялась также съ сторонними законоучителями. Въ 1895 году, съ возстановленіемъ штатной діаконской должности, мѣсто это занялъ бывший уже въ Корпусѣ, на псаломщицкой вакансіи, діаконъ Іоаннъ Лавровъ. Но, не получивъ даже семинарскаго образованія, онъ до сихъ поръ остается въ Корпусѣ помощникомъ священника только по церкви и Богослуженію, а отношю не по обученію Корпуснаго юношества. Впрочемъ, какъ священнослужитель, человекъ онъ весьма приличный и заботливый о благолѣпнн Богослуженія. Жалованья первые діаконы получали по 400, а послѣднему положено 495 р., при готовой квартирѣ; а за уроки—особо. Жалованья же псаломщику до 1868 г., полагалось 150 р, а съ этого времени положено 300 р., тоже при готовой квартирѣ.

Нельзя, въ заключеніе, не упомянуть о весьма важныхъ, въ хозяйственномъ отношеніи, дѣятеляхъ по церкви Морского Корпуса, а именно—о ея «ктиторахъ». Таковыми, только безъ такого титула, вначалѣ были исправлявшіе «гофмейстерскую» должность въ Корпусѣ—его обыкновенные смотрители; потомъ—правители Корпусной канцеляріи и ея казначеи, и только въ послѣднее время стали назначаться, съ наименованіемъ «ктиторами», свободно изъявившіе на то свое согласіе Корпусные чины, независимо отъ ихъ профессіи. Таковыми, на благодарной памяти послѣдняго священника, были:

нынѣ уже умершій, всей душой преданный церкви, Генераль-
Маіоръ К. П. Нордштейнъ, правитель Корпусной канцеляріи,
Контръ-Адмиралъ П. Дм. Клакачовъ и начальник строевой
части въ Корпусѣ, Генераль-Маіоръ В. Ал. Давыдовъ.

О приходѣ, наконецъ, и юныхъ прихожанъ этой церкви,
за послѣдній періодъ ея существованія, равно какъ и о дру-
гихъ, за недосугомъ—недосказанныхъ вещахъ, рѣчь оставляемъ
до имѣющей выдти къ Корпусному храмовому празднику— «Крат-
кой исторіи церкви Морского Кадетскаго Корпуса». Покорнѣйше
просимъ, при этомъ, всѣхъ, интересующихся минувшей жизнью
Корпуса, въ возможной скорости сообщить, по адресу Корпус-
наго протоіерея, какъ о замѣченныхъ ими здѣсь неточностяхъ
или недостаткахъ въ свѣдѣніяхъ и сужденіяхъ, такъ и объ ихъ
собственныхъ, или о сохранившихся у извѣстныхъ имъ лицъ,
воспоминаніяхъ и соображеніяхъ по этому предмету. Всякое
замѣчаніе будетъ принято съ благодарностію, а присланныя
сообщенія—въ документахъ и другихъ видахъ, напримѣръ—
планахъ, портретахъ и т. под., въ случаѣ требованія, будутъ
возвращены въ свое время и во всей цѣлости.

sent
200